

Е. Поселянин

СВЯТАЯ ЮНОСТЬ

Евгений Поселянин

Святая юность

Православное издательство "Сатисъ"

2005

Поселянин Е. Н.

Святая юность / Е. Н. Поселянин — Православное издательство
"Сатись", 2005

ISBN 5-7868-0036-9

Эта книга – о святых детях. О детях, которые так любили Бога, что угодили Ему своей жизнью, были приняты Им в Небесные Чертоги, и описание их святой жизни вошло в Святцы нашей Церкви. Но это не сборник житий. Е. Поселянин, рассказывая о чистой, детской святости, рассказывает о тайне Христовой любви. Сама книга наполнена верой, тишиной и чистотой. И она поможет читателю укрепить душу – примером жизни юных христиан. По благословению Архиепископа Брюссельского и Бельгийского СИМОНА.

ISBN 5-7868-0036-9

© Поселянин Е. Н., 2005
© Православное издательство
"Сатись", 2005

Содержание

Предисловие	6
Январь[1]	9
Юность святителя Василия Великого, архиепископа Кесарийского	9
Детские годы Прохора Мошнина, впоследствии преподобного Серафима, великого Саровского старца	10
Детство праведной Иулиании Лазаревской	16
Искупительный подвиг мученика Онуфрия	17
Детство Иоанна Крестителя	18
Юность Феодора Колычева, впоследствии Филиппа, митрополита Московского, священномученика[2]	19
Из юности святителя Саввы, архиепископа Сербского	21
Юность преподобного Иринарха, затворника Ростовского	24
Юность Нины, равноапостольной просветительницы Грузии	25
Мученик Неофит	27
Мученица Агния	29
Память священномученика Климента Анкирского	32
Христианская мать	35
Детские годы святителя Григория Богослова	36
Преподобные Ксенофонт и Мария и сыновья их Иоанн и Аркадий	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Поселянин

Святая юность

© Издательство «Сатисъ», составление, оригинал-макет, оформление, 2005

Предисловие

Святое детство, святая юность... Как-то светло становится на душе, когда видишь доверчивых, милых детей. Даже сердце зачерствевшего в жизненной борьбе и пороках человека смягчается, когда он слышит лепет детей, и сумрачные лица озаряются улыбкой.

У одного из глубоких русских поэтов, Хомякова, есть превосходное стихотворение «К детям», где он говорит о той великой отраде, какую доставляет душе общение с чистыми душой детьми.

Бывало, в глубокий полуночный час,
Малютки, приду любоваться на вас.
Бывало, люблю вас крестом знаменать,
Молиться, да будет на вас благодать,
Любовь Вседержителя Бога.
Стеречь умиленно ваш детский покой,
Подумать о том, как вы чисты душой,
Надеяться долгих и счастливых дней
Для вас, беззаботных и милых детей...
Как сладко, как радостно было!
Теперь прихожу я: везде темнота,
Нет в комнате жизни; кровать пуста;
В лампаде погас пред иконою свет...
Мне грустно, малюток моих уже нет.
И сердце так больно сожмется.
О дети, в глубокий полуночный час
Молитесь о том, кто молился о вас,
О том, кто любил вас крестом знаменать, —
Молитесь, да будет и с ним благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Быть может, многие взрослые, которых жизнь ожесточила или которые замерли в холодном себялюбии, может быть, эти люди провели бы жизнь свою иначе, если бы им пришлось воспитывать каких-нибудь детей и заботиться об этих детях.

Что может быть выше, чем детская незлобивая и чистая душа, которая вместила в себя Бога?

Святость – это свобода от греха, это неведение зла, это любовь к людям, это стремление к Богу, живая постоянная связь с Богом.

И вот вы видите молящегося ребенка... Как трогательны эти уста маленького, беспомощного существа, которое произносит эти величайшие во вселенной имена – Бог, Христос, Пресвятая Дева...

И вот некоторые дети какой-то чудной силой привязывались ко Христу, как привязался к Нему младенец Игнатий Богоносец. Предание видит в нем того мальчика, которого благословил Христос, когда произносил Свои слова: «Не возбраняйте детям приходиться ко Мне». Это же предание передает, что, когда Игнатий Богоносец был растерзан львами, на земле нашли его сердце, на котором было вырезано имя Бога.

И сколько таких детей знала Церковь, в сердце которых обитал Бог, хотя на их сердцах не было таинственного изображения Божия Имени.

Перед нами пройдут многие святые отроки и отроковицы, которые отдали Богу всю свою привязанность, все свои мысли и которых Бог в детском возрасте взял к себе, венчая их венцом святости.

Пусть узнают они, как будущий Феодосий Киево-Печерский ребенком трудился для Церкви. Как он узнал, что обедня в их приходе не служится ежедневно из-за недостатка просфор, и как он стал добывать муку и сам заниматься тяжелым для его возраста делом – месил тесто и пек просфоры.

Пусть увидят они образ будущего великого богатыря, неодолимого Александра Невского – мальчиком. Перед иконами в одинокие вечерние часы тужит он о бедствиях униженной и подневольной Руси, и в пылком молодом воображении слагаются картины будущего, как станет он служить народу. Пусть с отроком Елевферием, будущим первосвятителем Московским, Алексием митрополитом, они на подмосковном лугу, раскинув сети для перепелов, услышат призывающий Божий глас и, не отходя от ребенка, вернувшись с ним в терем, следят за происшедшей с ним переменой.

Пусть узнают они, как Бог прославил крестьянского мальчика Артемия из дальнего села Русского Севера – Верколы, убитого молнией на поле во время работы, и подумают о том, как праведна должна была быть жизнь этого маленького простолюдина, который всем существом своим чуял Бога и тянулся к Нему своей детской душой.

Пусть пройдет перед ними образ маленького страдальца, родившегося в почете, славе, богатстве и прожившего в унижении, – княжича Гавриила Бельского. Отец его был правителем Русского государства в малолетство царя Ивана. Когда же злые бояре убили князя Бельского, сын его был запрятан доброжелателями в Старицу и более не пожелал вернуться в мир...

Пройдут перед нами и другие дети, благословенное детство которых отразилось на их будущей жизни и которые в детских уже летах были полны благодати, со временем в них развивавшейся все сильнее и сильнее.

И пусть эти святые дети научат наших детей тому, как Бог призывает к Себе людей и как Он отвечает тому, кто к Нему идет.

Обстановка их жизни была так разнообразна. Иные родились в царских дворцах, другие в бедной доле сельского пастушка. Но для всех них Бог был главной целью их жизни, и их детское сердце трепетало божественной любовью. И чем больше эти дети о Боге думали, тем больше им хотелось о Нем думать. Сердцем своим они глубоко усвоили и оценили величие жизни Христа на земле, Его за нас страдания, искупление нас Его пречистой Кровью.

Озаренные светом Христовым, они избегали жизненного зла и у престола Божия воспевают пресветлому Богу непрестающую хвалу...

И над бытом этих святых детей высятся, сияют два благословенных, пречудных детства – детство Богоматери и детство Спасителя мира.

Приведенная родителями по обету в храм малым ребенком, Дева Мария училась у надзирательницы ручным работам. Ими усердно Она занималась всю жизнь Свою до конца Своих дней. Для молитвы Она уходила во Святая святых. Ей необходимо было ежедневно уединяться. В одиночестве Она думала о величии Божиим, и душа Ее все ярче отражала чудные совершенства Божества.

Благоговейной тихостью отличалось поведение Девы Марии. С Ее кротких уст не срывалось никогда ни одного неспокойного слова.

Ежедневно с раннего утра Пречистая Дева молилась до девятого часа. Потом в шестом часу занималась рукоделием или читала Священное Писание. С трех часов дня Она опять начинала молитву, пока Ее молитву не прерывал Ангел – он приносил Ей пииту.

Дева Мария много думала и очень мало говорила. Пряжа и шерсть были самым обычным Ее рукоделием. Она часто вышивала шелками, больше всего для храма.

А кто изобразит тайну священной ночи Рождества Христова!.. Лежит, повитый пеленами, Неприступный Бог. От страшного Престола Своей славы Он спустился на землю и возлег на холмике соломы.

Все – тайна, все – чудо, все – святыня в священной ночи Вифлеема...

Хочется всмотреться, вдуматься, замечтаться над священным детством и отрочеством Господа Иисуса Христа в родном Назарете.

Занятый тяжелым трудом столярным старый Иосиф. Этим трудом он кормит Деву Марию и Младенца Иисуса. А сама Дева Мария тоже все за рукоделием: то прядет, то вышивает. Иисус то помогает Пречистой Матери в хлопотах по хозяйству, то столярничает вместе с Иосифом...

А в свободное время отрок Иисус, Царь и Создатель вселенной, озирает детскими глазами мягкие склоны Галилейской страны, и тихое и мирное озеро Тивериадское, и белых голубей, летающих вокруг их скромного домика, поля с поспевающей жатвой, сады с серебристыми маслинами...

И что говорили с высоты неба серебряные звезды? О чем шептали Ему, радостно кивая своими головками, цветы на зеленых лугах?

Один немецкий художник нарисовал прекрасную картину-мечту.

Весна, яркий луг с разбросанными кое-где деревьями, много одуванчиков в траве. Утреннее – не жгучее, а ласкающее солнце, пасущееся стадо овец. Маленький босоногий пастушок одет, как одеваются мальчики в немецких деревнях... Ему видение... Предстала перед ним Дева с Младенцем на руках, и чистое детское сердце сказало ему, Кто эта Дева и Кто этот Младенец... Пастушок весело наклонился, сорвал с земли одуванчик и протянул его Младенцу... Младенец радостно потянулся к цветку под призором Девы в белом покрывале, и все замерло в умилении: и пастушок со своим даром Творцу миров – «Твоя от Твоих Тебе приносяще», и ласковые деревья со свежими весенними листьями, и мягкий уклон луга, и одуванчики в траве.

Не так же ли тянулись к Христу-отроку лесные цветы, и звезды, и лучи солнца, как на этой картинке протянул свои одуванчики Младенцу Христу пастушок?

С Богом в путь!

Пусть узнают наши дети о святых, которые в своем детстве умели славить Христа и которых прославил Христос.

И пусть над детством наших детей и нашей молодежи, над всем тем чистым, благородным, отзывчивым, справедливым, что есть в душе человеческой в эту пору, – пусть над ними склонится, с благостью в очах, с призывным взором, с обещанием высокого счастья, победивший зло, открывший людям вечное блаженство Христос.

Е. Поселянин

Январь¹

Юность святителя Василия Великого, архиепископа Кесарийского

(Память 1 января)

Какое чудное сияние исходит из детских лет великого отца Церкви Василия... Он был сын матери-христианки Эмилии и рос в семье глубоко благочестивой.

Старшая сестра Василия, Макрина, потеряв своего жениха, решила провести свою жизнь в девстве, и причислена Церковью к лику святых. Из девяти детей, бывших у отца Василия, четверо были прославлены святостью: кроме Макрины и Василия, братья его Григорий Нисский и Петр Севастийский. Бабушка Василия, Макрина старшая, вложила в душу внука благочестие. А отец его, чрезвычайно образованный человек, занимался первоначальным его обучением. Схоронив отца по четырнадцатому году, Василий жил несколько лет в поместье своей бабушки, где впоследствии возник монастырь.

Способности у Василия были необыкновенные: он изучал философию еще совсем мальчиком. Схоронив и бабушку, шестнадцати лет от роду он вернулся в Кесарию. Но так как он быстро сравнялся в мудрости со своими наставниками, то отправился в Афины, где было тогда средоточие эллинской образованности. Тут товарищами его были святой Григорий, впоследствии патриарх Цареградский, нареченный Богословом, и Юлиан, бывший впоследствии императором римским и греческим и отступивший от Христа.

У Василия с Григорием была великая и нераздельная дружба. Они жили в таком тесном единении духовном, как будто в двух телах у них была одна душа.

Они избегали забав. Не посещали шумных собраний, игр в цирках и знали только лишь две дороги – в храм и в школу.

Душа Василия горела жаждой познать божественные тайны, и вот однажды в сердце его зажглось непреодолимое желание изучать в тишине Священное Писание. Он оставил Афины и ушел в Египет, где в безмолвии наслаждался изучением Божественного Слова, питаясь водой и зельем. Потом поплыл он в Иерусалим, чтобы посетить святые места, и уже оттуда во всеоружии веры вернулся в Афины. Тут он просиял великой человеческой и божественной мудростью, и сияние это не погасло до конца его жизни и ярко озаряет его имя в веках.

¹ Все даты в тексте даны по старому стилю. – Прим. ред.

Детские годы Прохора Мошнина, впоследствии преподобного Серафима, великого Саровского старца

(Память 2 января)

Когда задумаешься о небесном, порой какое-то желание овладевает душой.

Хочется увидеть воочию Ангела небесного... Думается: вот прилетит Ангел; он реял в лучах горнего света; он видел престол Вседержителя; он воспевал Богу хвалу. Он будет держать в руках райскую ветвь с расцветшими в райских садах цветами... Как укрепитесь этим видением моя вера!.. С какой радостью брошусь я к нему навстречу!.. При виде его мне покажется, что я сам был в дивном небе.

Эта радость, возбуждаемая слетевшим с неба Ангелом Божиим, переживалась теми людьми, которые воочию видели великого Саровского старца Серафима.

Трудно представить себе человека, который в земной своей жизни так сильно напоминал о небе, как Саровский старец Серафим.

Все было в нем необыкновенно, особенно, не похоже на других людей.

Вот идет он, опираясь на суковатую палку, в неуклюжих больших кожаных чеботах, в тулупчике с дырами, подпоясанный полотенцем; с рук спускаются грубые кожаные четки, на нем мягкий клобук такой формы, как носили в старой Руси, плечи покрыты полумантийкой.

В этом древнем ослабленном старце – он и выпрямиться не мог, так как напавшие однажды на него в лесу разбойники сломали ему спину, – в этом древнем старце живет необыкновенная жизненность. Со своими седыми волосами, затрудненной походкой, он светится какой-то непобедимой юностью... Голубые глаза пронзительно смотрят в душу всякого... Ангел, Ангел...

Как же протекло детство старца Серафима, носившего в миру имя Прохор?

В том самом Курске, который был родиной отца русского монашества, преподобного Феодосия Киево-Печерского, родился Прохор 19 июля 1759 года. Отец его, Исидор Мошнин, брал на себя работы по каменным подрядам. Он строил обширный храм Преподобного Сергия Радонежского, что ныне – Курский собор. Не успел он закончить эту работу, как умер. Дело его после смерти продолжала вести его вдова Агафья, женщина разумная и деловитая.

Мошнины были люди старозаветные и благочестивые. Тогдашние родители воспитывали детей в страхе Божиим. Есть рассказ об одной семье, – серпуховского гражданина Путилова. Его дети были современниками старца Серафима и стали настоятелями: один – Саровской пустыни, другой – Оптинской пустыни и третий – Мало-Ярославецкого монастыря.

Обучались дети дома, у отца, а в школу не ходили: отец боялся для них дурного товарищества. В праздник отец водил их в церковь и, когда возвращались домой, расспрашивал их о службе и заставлял пересказывать содержание Апостола и Евангелия. В церкви Путилов певал на клиросе, так как имел хороший голос. В праздничные дни он любил заниматься с детьми церковным пением. Из открытых окон лились звуки голоса отца, смешиваясь с голосами его молодых сыновей, и прохожие останавливались под окнами, говоря: «Сладко поют у Путиловых». Часто посещали дом Путилова духовные лица. Дети с детства слышали много полезного для души.

Таким же строем текла жизнь и в доме Мошниных.

В чистых скромных комнатах в углах теплятся перед старыми тяжелыми иконами лампы. Всякий день Мошнина идет к обедне. Она отличалась особым благочестием. Любимым делом ее была забота о девушках-сиротах: их она выращивала и выдавала замуж, отпуска

им необходимое приданое. Эту чуткость матери ко всякой нужде унаследовал и развил в себе великий ее сын.

Что-то необыкновенное чувствовалось в Прохоре.

Господь приставляет к детям Ангелов Хранителей. Часто эти Ангелы, когда дети готовы куда-нибудь упасть, поддерживают и спасают их. Но ни над кем в детстве не выказалась столь ясно сила охраняющего Ангела, как над маленьким Прохором Мошниным.

Довершая начатое мужем дело, Агафья достраивала высокую колокольню Сергиевского собора. Как-то пошла она осмотреть ее и взобралась до верхнего яруса. Перил еще не было там устроено. Прохор увязался за матерью. По живости своей подбежал к самому краю, перевесился и стремглав полетел на землю. Что переживала в это время бедная мать!

Не помня себя от ужаса, бросилась она бежать вниз по лестнице, чтобы подобрать не трупик, а лишенный всякого образа мешок с костями: все, что должно было остаться от ее сына... Спустившись вниз с остановившимся сердцем, выступила она из каменного строения наружу. Не верит своим глазам, думает – наваждение: Прохор весело бежит к ней навстречу... Сон... Но нет, не сон, его голос зовет ее: «Мамка, мамка!»

Никогда, до последнего издыхания своего, Агафья Мошнина не забывала этого часа, и, быть может, когда взглядывала она на своего сына, ей казалось, что за плечами у него трепещут белые крылья...

Когда Прохора стали учить грамоте, он принялся за дело с большой охотой, быстро стал он успевать в учении, как вдруг – занемог. Тут снова проявилось над ним великое Божие чудо.

Прохор увидел во сне Пресвятую Богородицу. Она обещала посетить мальчика и излечить его. Сновидение свое Прохор рассказал матери. Как-то вскоре Крестным ходом несли по Курску чудотворную Коренную икону Божией Матери. Несли ее по той улице, где стоял дом Мошниных. Ударил сильный ливень. Для сокращения пути Крестный ход свернул через дом Мошниных. Агафья воспользовалась этим случаем и поднесла к иконе больного мальчика. После этого он стал поправляться и скоро совсем выздоровел.

Прохор был рослый ребенок, с живыми голубыми блестящими глазами. Он был острого ума, впечатлительный, владел прекрасной памятью, был кроткий и благонравный мальчик.

До сих пор хранится память в Курске о том, что Прохор Мошнин избегал шумных игр со сверстниками. Он предпочитал читать Священное Писание и постоянно ходил в церковь. Любил он зазывать к себе ребят своего возраста и читать им духовные книги.

Прохор продолжал учение. Он прошел Часослов, Псалтирь, писал. У брата его Алексея была в Курске торговля разным деревенским товаром: ремнями, дегтем, бечевками, дугами, лопатами, железом. Прохора старались приучить к торговле, но сердце его к этому не лежало. До торговли он ежедневно ходил к обедне и вечерне. Теперь же он не мог посещать этих служб и вставал рано, чтобы побывать у заутрени.

Сердцем чуяла умная мать Прохора, что не жалец ее мальчик в миру, что иная ждет его доля.

Когда из того же Курска стремился в обитель отрок, будущий Киево-Печерский Феодосий, его мать всячески противодействовала ему в его подвиге. Она жестоко наказала сына, когда увидела на теле его вериги. Когда же он потом ушел из дому со странником, она догнала его и привела домой, избилла и заковала в цепь.

Иначе вела себя умная и благочестивая Агафья Мошнина. Она решила без ропота уступить сына своего Богу в добровольную жертву.

Осторожно, чтобы не огорчать мать, и постепенно Прохор старался выznать мысли матери, пустит ли она его в монастырь. Он мог заметить, что противодействия не будет, и стал прямо заговаривать об этом предмете. С ним вместе пять человек из курской купеческой молодежи решили начать иноческую жизнь.

Представим себе картину из святых отроческих дней юного Прохора.

Над старым именитым городом Курском раскинулась теплая ласковая ночь. Горят, мигают в небе звезды, полные каких-то высоких мыслей, сияет в небе неугасимая, непреходящая Божия слава. Среди утихнувшего города, в затихшем доме Мошниных тихие, бесстрастные огоньки лампад озаряют темные лики икон.

Бережно, чтобы его кто-нибудь не услышал, подобрался Прохор к иконам, опустился перед ними на колени, смотрит, благоговеет, молится без слов. Полна душа веры, полна душа восторга.

«Господи, Господи, Ты столько сделал для нас!.. Хотел бы воздать Тебе хоть малым. Хотелось бы предаться Тебе, одного Тебя только видеть в жизни, Тобой радоваться, Тебе служить... Чем мне воздать Тебе? Возьми Себе мою жизнь, отдаю ее Тебе всю: чувства, мысли, желания, порывы, мечты – Тебе, Тебе одному...»

И ночь длится... И радость, и жажда жертвы все сильнее и сильнее заполняют непорочную, не познавшую мирского зла, юную душу.

И Ангел взлетает над молящимся отроком, и чудный, таинственный голос нарекает над ним то имя, которое прогремит потом по всей Руси: «Серафим, Серафим»...

Когда пришло время расставания с матерью, сперва по русскому обычаю все посидели. Потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги. Она дала ему приложиться к иконам Спасителя и Богоматери, потом благословила его большим медным крестом. Этот крест хранил он как величайшую святыню, никогда не снимал его с себя, носил открыто, иногда поверх одежды. С ним же он и скончался.

И вот Прохор в Сарове.

Саровская пустынь, далекая от больших дорог, затерянная в глубине темниковских лесов, отличалась строгой жизнью иноков. В ней прожил Прохор полвека в великих подвигах.

Ревностный смолоду, великий постник, неустанный работник и молитвенник, он в зрелые годы увеличил свои подвиги. Он один совместил в себе такие подвиги, которые и в отдельности возводили людей до вершины духовной силы: он был отшельник, столпник, молчальник.

Во время жизни его отшельнической в Саровском лесу к нему приходили медведи, которых он кормил хлебом из своих рук. Тысячу ночей и тысячу дней молился он, стоя неподвижно на двух камнях под открытым небом, а днем – у себя в келье.

После явления и указания ему Богоматери он открыл двери своей кельи для наставления монахов и мирян. Народ ехал к нему со всех сторон – принять его благословение, просить его совета, порадоваться на этого Ангела Божия, слетевшего с неба на бедную землю.

Небо стало для него родным и близким. Он жил на земле, как бы в небе. После дивной жизни он скончался тихо, уединенно 2 января 1833 года.

Он был найден отошедшим, стоя на коленях в своей келье перед иконой Божией Матери.

И все, что сияло русскому миру в лице старца Серафима, что горело в нем самом и грело своим огнем других, – все это выросло из тех семян, которые заложены в душу Прохора его праведной матерью.

Слава праведной наставнице и великому ее сыну!

Старец Серафим отличал особой любовью детей.

Г-жа Надежда Аксакова, бывшая у старца маленькой девочкой и дожившая до открытия его мощей, передает свои воспоминания о старце.

Из Нижнего приехало в Саров большое общество. Старца Серафима не оказалось в келье: он уединился в лесу, прячась от народа.

– Вряд ли вам отыскать его в бору, – говорил озабоченно игумен, – в кусты спрячется, в траву заляжет. Разве сам откликнется на детские голоса. Забирайте детей-то побольше, чтоб наперед вас шли. Непременно бы впереди вас бегли.

Весело было детям бежать одним, совсем одним: без присмотра и без надзора бежать по мягкому бархатному слою сыпучего песка. Лес становился все гуще и рослее. Детей все

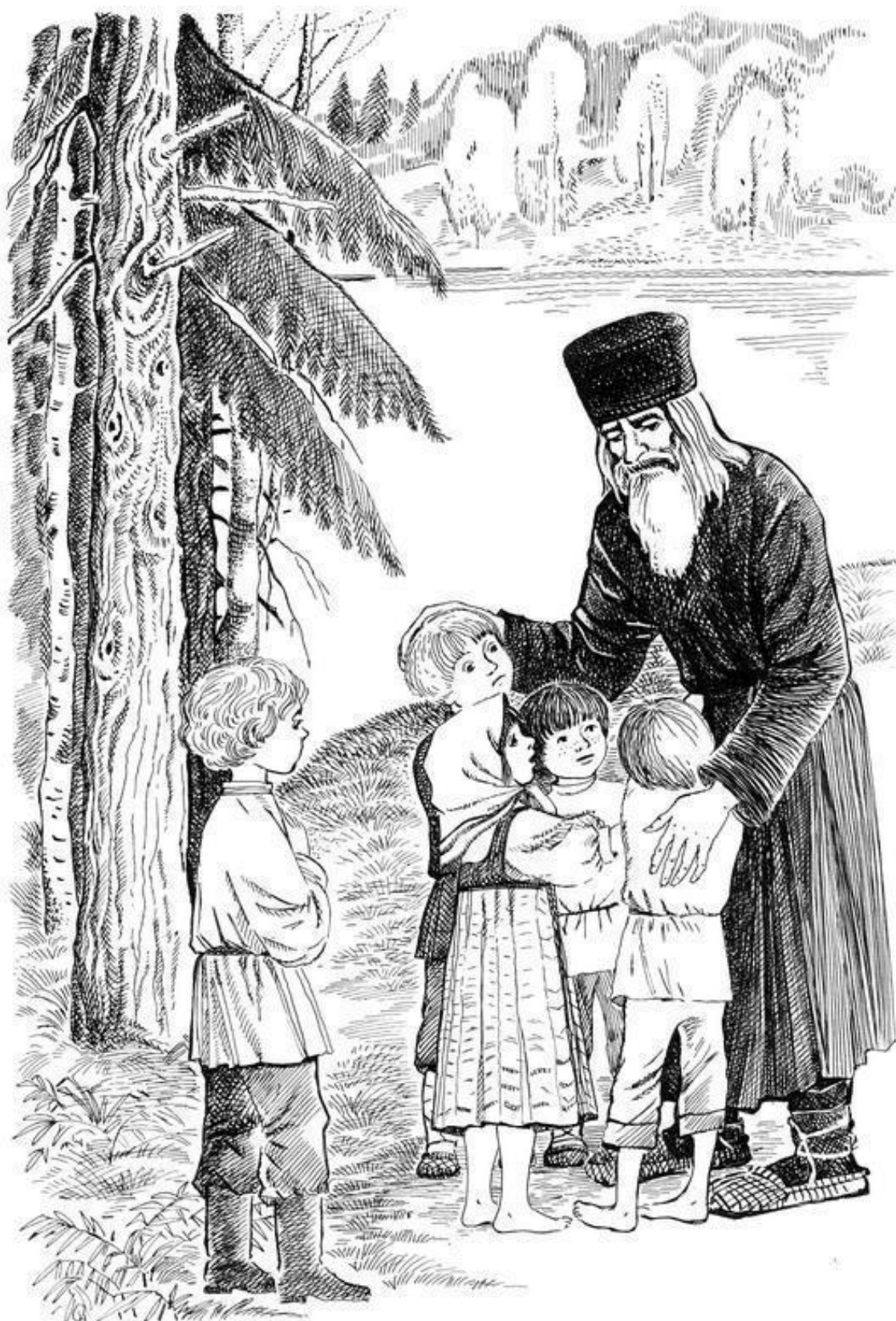
более и более охватывало лесной сыростью, лесным затишьем и терпким, непривычным запахом смолы. Под высокими сводами громадных елей стало совсем жутко.

По счастью, где-то вдалеке блеснул, засветился солнечный луч между иглистыми ветвями. Дети ободрились, побежали на мелькнувший вдалеке просвет и вскоре все врассыпную выбежали на зеленую, облитую солнцем поляну.

Смотрят: около корней отдельно стоящей на полянке ели работает, пригнувшись чуть ли не к самой земле, низенький худенький старец, проворно подрезая серпом высокую лесную траву. Серп же так и сверкает на солнечном припеке.

Заслышав шорох в лесу, старичок быстро поднялся, насторожив ухо к стороне монастыря, и затем, точно испугнутый заяц, проворно шарахнулся к чаще леса. Но он, не успев добежать, запыхался; робко оглянувшись, юркнул в густую траву и скрылся у детей из виду. Тут только вспомнился детям родительский наказ при входе в бор, и дети чуть ли не в двадцать голосов дружно крикнули: «Отец Серафим, отец Серафим!»

Случилось как раз то, на что надеялись богомольцы. Заслышав неподалеку от себя звуки детских голосов, отец Серафим не выдержал в своей засаде, и старческая голова его показалась из-за высоких стеблей лесной травы. Приложив палец к губам, он умильно поглядывал на детей, как бы упрашивая ребяток не выдавать его старшим, шаги которых уже слышались в лесу.

Протопав к детям дорожку через всю траву, старец, опустившись на траву, поманил детей к себе. Самая маленькая из девочек, Лиза, первая бросилась к старичку на шею, прильнув нежным лицом к его плечу, покрытому простым рубищем.

– Сокровище, сокровище, – приговаривал он едва слышным шепотом, прижимая каждого из детей к своей старческой груди.

Дети обнимали старца, а между тем замешавшийся в толпу подросток, пастушок Сема, бежал со всех ног обратно к стороне монастыря, зычно выкрикивая: «Здесь, сюда! Вот он! Вот отец Серафим... Сюда!»

Когда подошли взрослые, старец был смущен, как домохозяин, застигнутый врасплох среди разгара своего рабочего дня.

– Нечем мне угостить вас здесь, милые, – проговорил он мягким тоном.

Но тут же он, как бы обрадовавшись собственной догадке, прибавил:

– А вот деток, пожалуй, полакомить можно.

И затем, обратившись к мальчику-подростку, сказал:

– Вот у меня грядки с луком. Видишь? Собери всех деток. Нарезь им лучку. Накорми их лучком и напой хорошенько водой из ручья.

Дети побежали вприпрыжку исполнять приказание отца Серафима и засели между грядками на корточках. Луку никто не тронул. И все дети, залегши в траве, смотрели из-за нее на старичка, так крепко и любовно прижимавшего их к груди своей...

И сколько, сколько раз потом помогал детям старец Серафим уже из небесных обителей!

В июле 1856 года единственный сын костромского вице-губернатора Борзко, 8 лет, занемог схватками в желудке. Болезнь осложнилась. Появились припадки с тоской, разрешавшиеся пеной. Врачи не помогали. Родители опасались за жизнь сына. В это время госпожа Давыдова, впоследствии знаменитая игуменья костромского монастыря мать Мария, подарила матери больного книгу об о. Серафиме.

В одну ночь ребенок видел во сне Спасителя в красной одежде, в сонме Ангелов. Спаситель говорил: «Ты будешь здоров, если исполнишь то, что прикажет тебе старец, который к тебе придет». Потом явился старец, назвал себя Серафимом и сказал: «Если хочешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в Саровском лесу и называемого Серафимовым, и три дня утром и вечером омывай голову, грудь, руки и ноги и пей ее». Ребенок рассказал сон няне, а няня родителям. Им же повторил сон и сам мальчик. На следующее утро он рассказал, что после первого сна ему являлась еще Пречистая Дева с Ангелами и с любовью приказывала исполнить слова старца. Воды из Серафимова источника достали через госпожу Давыдову. И ребенок совершенно выздоровел.

А вот помощь старца мальчику, державшему экзамен.

В 1864 году у госпожи Сабанеевой в Петербурге заболел сын Димитрий. А он как раз должен был держать экзамен и перейти в Горный институт. Мать была в горе и молилась старцу Серафиму.

Ночью видела она во сне старца, и он сказал: «Сын твой выздоровеет и испытание в науках выдержит». В лазарете мать уже не нашла сына – он был на экзамене.

Вернувшись с успехом и радостный, он рассказал матери, что и он видел во сне любимого и чтимого им о. Серафима, который сказал ему: «Выздоровеешь и испытание выдержишь».

Дети, любите кроткого и тихого чудотворца, дивного старца Серафима. Зовите его в ваших нуждах и горе.

И как тогда, на лугу, он возьмет вас невидимо на руки и, прижав к своей груди, прошепчет над вами: «Сокровище мое, сокровище!» И станет вам отрадно от его ласки.

Детство праведной Иулиании Лазаревской

(Память 2 января)

К концу шестнадцатого и началу семнадцатого веков относится жизнь блаженной боярыни Иулиании праведной. Она просияла русскому миру необыкновенным своим милосердием: во время великого «глада», бывшего в царствование Бориса Годунова, она питала окрестное население.

О подвигах праведной Иулиании мы знаем из повествования о ней сына ее, Каллистрата Осоргина. Начало повествования его вскрывает перед нами поэзию ее тихой детской и девичьей жизни:

«Во дни благоверного царя великого князя Ивана Васильевича, от его царского двора был некоторый муж, благоверен и нищелюбив, именем Иустин, по прозванию Недюрев, саном ключник... И имел он жену, боголюбиву и нищелюбиву, именем Стефаниду, Григорьеву дочь, Лукина, от пределов города Мурома. И жили они во всяком благоверии и чистоте; и было у них много сыновей и дочерей, много богатства и рабов множество. От них же родилась и блаженная Иулиания. И когда ей было шесть лет от роду, мать ее померла; и вдова, именем Анастасия, Григорьева жена Лукина, Никифорова дочь Дубенского, воспитывала ее шесть лет во всяком благочестии и чистоте. А когда исполнилось блаженной двенадцать лет, бабка ее представилась от жития сего. И заповедала она дочери своей Наталье Араповой взять внучку свою Иулианию к себе в дом и воспитывать ее во всяком благочестии, потому что тетка ее имела своих дочерей-девиц и одного сына. Блаженная же от младых лет возлюбила Бога и Пречистую Его Матерь, премного почитала тетку свою и сестер и во всем была им послушна, любила смирение и моление, молитве и посту прилежала. И за то тетка много ее бранила, а сестры над ней смеялись, потому что в такой молодости томила она свое тело; и говорили ей ежедневно: “О, безумная! Зачем в такой молодости плоть свою изнуряешь и красоту девственную губишь?” И часто понуждали ее с раннего утра есть и пить. Но она не вдалась их воле, хотя с благодарностью все принимала; чаще же с молчанием от них отходила, потому что она была послушлива ко всякому человеку и с детского возраста кротка и молчалива, невеличава. От смеха и всякой игры удалялась; и хотя много раз от сверстниц своих на игры и песни путошные была принуждаема, однако не приставала к их сборищу и таким образом таила свои добродетели. Только о пряже и пяличном деле прилежание великое имела, и во всю ночь не угасал светильник ее. А сирот, и вдов, и немощных в веси той всех обшивала и всех нуждающихся и больных не оставляла без призрения; и все дивились ее разуму и благоверию. И вселился в нее страх Божий.

Не было в той веси церкви, ни вблизи ее, а была версты за две. И не случалось блаженной в девственном возрасте ни разу быть в церкви, ни слышать божественных словес прочитаемых, ни учителя, учащего на спасение. Только смыслом благим была наставляема нраву добродетельному и, не научившись книгам, ни учителем наставляемая, еще в девственном возрасте все заповеди исправила и, как бисер многоценный, светилась среди тины. В благочестии подвизалась и желала слышать слово Божие; но в девственном возрасте ни разу того не получила. И от невежд была осмеяна за свои добрые дела».

По шестнадцатому году блаженная вышла замуж и стала матерью не только своих многочисленных детей, но и всех, с кем сводила ее судьба и кто нуждался в ее помощи, сострадании, заботе.

Искупительный подвиг мученика Онуфрия

(Память 4 января)

Жизнь святого мученика Онуфрия представляет собой пример глубокого раскаяния только за слова, сказанные в дни ранней юности.

Онуфрий – болгарин, уроженец города Габрово, происходил из богатой семьи и был хорошо образован. Одно тяжкое воспоминание юности привело его на Афон к монашеским подвигам.

Как-то отец наказал его за шалость, и он, не помня сам, что говорил, закричал отцу, что потурчится. Его верующую душу, полную стремления ко Христу, мучила и жгла, не переставая, эта словесная измена христианству. Он жаждал смертью за веру искупить свой невольный грех. Приготовившись к подвигу великому иноческими трудами, он всенародно обличил ложь Корана и принял мученическую смерть на тридцать втором году, четвертого января 1818 года.

Детство Иоанна Крестителя

(Память 7 января)

Иоанн Креститель и Христос... Лучшие художники всего мира истощили силы своей кисти на то, чтобы представить детство Христа рядом с детством на полгода старшего Его Иоанна Крестителя.

Вот изумительное полотно великого испанского художника Мурильо, чья душа была полна той умиленной веры, которая эту душу, словно оставившую тело, возносит в заочные обители.

Младенец Иисус усердным движением руки подает младенцу Иоанну Крестителю в раковине воду. Иоанн, коленопреклоненный, опираясь на знамение благовестия, жадно пьет эту воду... На все это смотрит на земле овечка, а с неба херувимы с благоговейно сложенными ручками... Как живо выражен характер обоих младенцев – ласковая мягкость Христа и суровость Иоанна!

Так как праведная Елисавета, мать Иоанна Крестителя, была родственницей и особенно любима Пречистой Девой Марией, то можно думать, что они иногда и посещали друг друга, хотя и жили на большом расстоянии.

Особенно же в то время, когда святое семейство из Назарета приходило на праздник в Иерусалим; тогда Христос должен был видаться с Иоанном не только в Иерусалиме, но и в селении Иуте, местожительстве священника Захарии, недалеко от Иерусалима.

И жажда подвига, жажда пустыни жгла душу Иоанна, и он ушел за Иордан, тогда как Христос остался до зрелого возраста при Пречистой Своей Матери.

Юность Феодора Колычева, впоследствии Филиппа, митрополита Московского, священномученика²

(Память 9 января)

Идет заутреня в домашней церкви большой усадьбы богатого и знатного боярина Колычева.

Все погружено во мрак. Редкие восковые свечи да огни лампад озарят край иконы, скользнут по темному ее лику и как бы замрут. На клиросе звучит одинокий голос дьячка. Старый священник как-то по-будничному выговаривает возгласы, но, несмотря на буднюю службу, она вся захватила собой сына боярина, Феодора.

Ему нравится, да нравится так, что словно вросла в его сердце эта тихая церковь, и темнота раннего зимнего утра, и задумчивые огоньки, и голос на клиросе, и голос из алтаря, и чувствует душа его, как невидимо и неслышно к этому храму подходит Сам Христос и смотрит в душу людей.

Смотрит Он и в душу его, Феодора, смотрит долгим, немного грустным взглядом, и взор этот спрашивает мальчика: «Любишь ли ты Меня, помнишь ли ты Меня?»

Не слышит уже Феодор ни голоса дьячка, ни голоса священника, не видит более он ни знакомого иконостаса, ни темноты, ни огоньков. Видит он только одного стоящего перед ним Христа, слышит только шепот слов Христовых, слышит не слухом, а сердцем, душой...

«Любишь ли ты Меня, будешь ли ты Меня помнить? Сколько было таких, как ты, детей, которые прежде думали обо Мне, а потом обо Мне забыли и сменили Меня на мир... Останься при Мне, отдайся Мне, посвяти Мне все твои мысли, и чувства, и силы... Я щедр к тем, которые Мне все отдают. Я ниспосылаю им великое счастье... Любишь ли ты Меня, будешь ли ты Меня помнить?.. Мир лежит перед тобой и манит тебя. Ты знатен и богат, и пригож, и умен. Ты будешь в мире счастлив, и в этом счастье ты забудешь Меня. И вот Я спрашиваю: любишь ли ты Меня, будешь ли ты Меня помнить?..»

Ты читал о людях, которые были взысканы Мной мирским счастьем больше, чем ты, но которые сами в жизни искали только одного – быть Моими верными рабами. Можешь ли и ты забыть свою знатность и свое богатство, лишиться себя всех удовольствий, к каким льнут твои товарищи, бросить свою блестящую боярскую одежду, забыть о шумных и пышных охотах и веселых пирах, о службе царской и пойти за Мной на безвестные труды и уничижение?.. Любишь ли ты Меня, будешь ли ты Меня помнить?..»

И много, много еще говорит неслышно внешнему слуху и внятно душе голос Спасителя отроку Феодору, и, незнамо ни для кого, одна за другой проходят в душе его картины его будущего быта...

Уйти потихоньку из Москвы, так, чтобы никто не знал, не отговаривал, не плакал перед ним и не жалился на него. Уйти, скрыться, исчезнуть из мира, как исчезает в глубокой воде брошенный камень. Бедная одежда... хлеб и вода, отшельничество, молитва и часто-часто сходящий к душе Христос, беседующий с душой, как вот сейчас беседовал Он с Феодором.

Кто-то дернул мальчика за рукав. Служба отошла. Вышли наружу. Загорелась заря. Тонкий дымок весело подымался из труб. В морозном чистом воздухе перекликались московские колокола. Подымалось по городу движение. Приятно хрустел снег под ногами, а в душе Феодора отдавались таинственные слова: «Любишь ли ты Меня, будешь ли ты Меня помнить?»

² Священномученики – мученики, носившие при жизни священный сан.

Феодор Колычев родился пятого июня 1507 года и был первенцем Колычевых. Его родители не щадили ничего для его образования. Когда начали его учить грамоте, он привязался к чтению духовных книг. Это чтение было для него, как сласти для других детей. Он был сосредоточенный ребенок, избегавший детских игр. Феодор искал общества старших, любил слушать рассказы о былом русской земли, о лучших русских людях. Его готовили к царской службе. С другими товарищами обучался он воинскому искусству, соколиной охоте, метанию копья, искусству владеть мечом. Малолетний царь Иоанн заметно отличал Феодора, но Феодор все слышал в душе таинственный призыв. Видимо, он не хотел связать себя с миром и до тридцати лет не женился. Тут однажды он услышал в церкви слова Евангелия о том, что нельзя служить двум господам, нельзя одновременно работать Богу и миру...

Он решил забыть мир и служить Богу. Он тайно ушел в виде простолюдина из Москвы, пробрался на Север, прожил где-то в уединении, потом поступил послушником в Соловецкий монастырь.

Взятый отсюда после долгих лет подвигов на Московскую митрополию, он обличил царя Иоанна в его жестокости и сам был замучен.

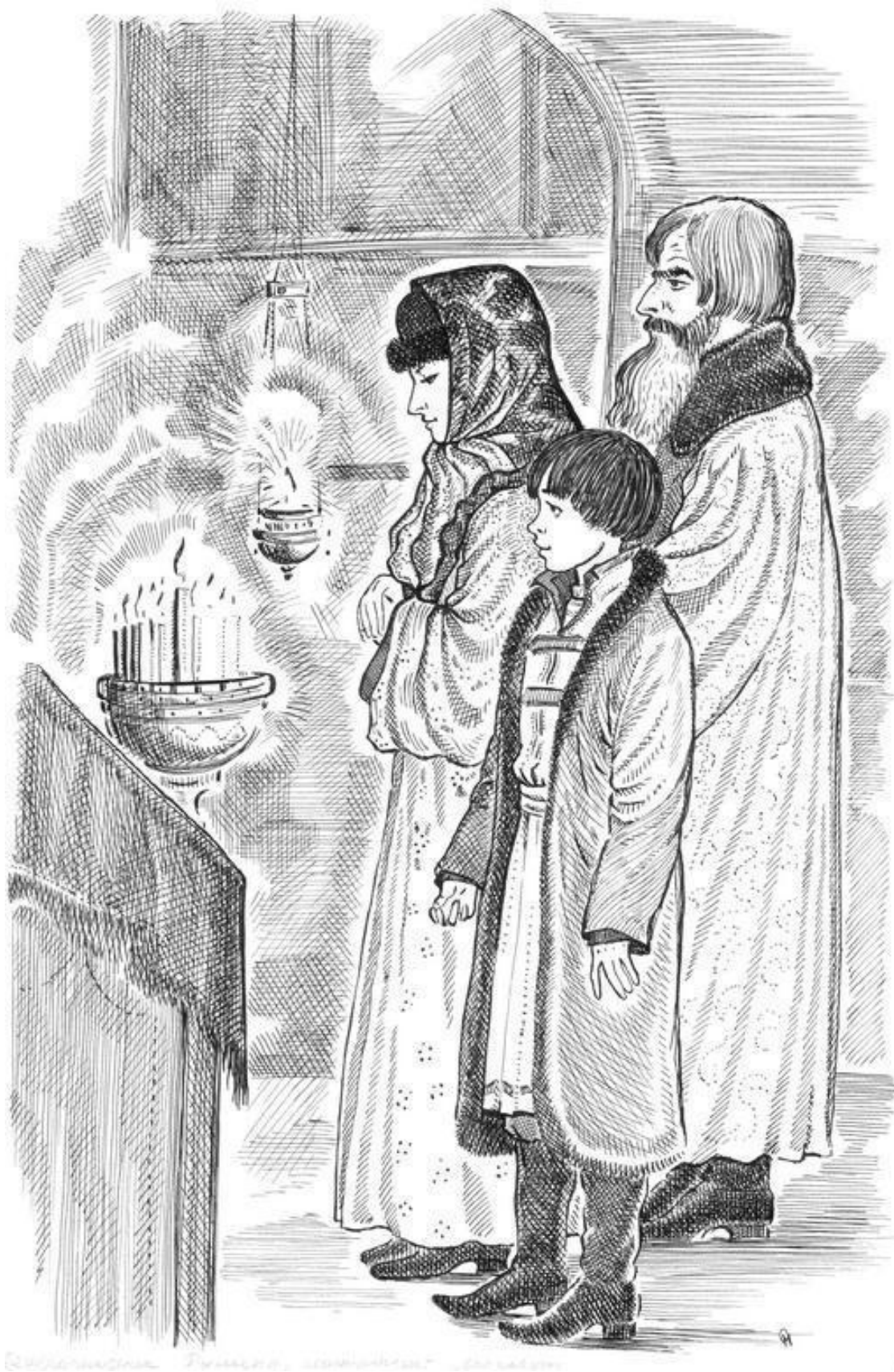
Из юности святителя Саввы, архиепископа Сербского

(Память 12 января)

У Стефана Немани, правителя Сербии, третий сын носил имя Ростислав. Дав ему прекрасное образование и видя его редкие способности, родители думали на пятнадцатом году вручить ему управление Герцеговиной. Дальше они надеялись его женить.

На одном из пиров в доме отца сидел как-то Ростислав, ему было не по себе. Не раз замечал он эту тоску в то время, когда вокруг кипело молодое веселье. Так и тут он так же был задумчив, душа его стремилась к чему-то иному.

За пиром Ростислав узнал, что к ним пришел русский инок. Незаметно выйдя из-за стола, Ростислав привел его к себе в комнату и стал слушать рассказы его о монашеской жизни. И тут понял он, что перед ним то сокровище, по которому он тосковал. Нечего было ему больше желать и искать, счастье пришло вдруг к нему, громадное, захватывающее. Все забыть, отречься от мира, всецело отдаться Христу!..

С решимостью, которая всегда в нем проявлялась, Ростислав задумал бегство. Он сказал отцу, что отправляется на долгую-долгую охоту, а там слуг своих разослал в разные стороны и уплыл на Афон.

Отец был раздражен и опечален, когда сын послал ему весть, что он инок. Стефан Неманя писал начальнику Солуни – а Афон находился у него в подчинении – что, если он не вернет ему его сына Ростислава, он пойдет на Солунь войной. Исполняя волю отца, воевода прибыл на Афон, желая предупредить пострижение Ростислава. Но Ростислав перехитрил, и в то время, когда солдаты, которым велено было следить за ним, уснули, он вышел из храма, и над ним быстро совершили иноческое пострижение. Родителям он послал одежду, волосы и письмо, в котором с ними навсегда прощался.

Впоследствии Савва был поставлен в Сербию архиепископом и был для родины светлым явлением, подобно нашим московским святителям и преподобному Сергию Радонежскому. Он столь же прославился святостью, как государственным умом и дальновидностью, и имя святителя Саввы является для сербов залогом их народного величия.

Юность преподобного Иринарха, затворника Ростовского

(Память 13 января)

В Борисоглебском Ростовском монастыре почивает преподобный Иринарх-затворник. Он был уроженец села Кондаково нынешнего Угличского уезда, назывался в миру Ильей, был сыном простой крестьянской семьи. В детстве его замечательно то, что рос он необыкновенно быстро, так что стал ходить, имея от роду всего двадцать недель.

Мальчик был чрезвычайно благочестивый, отмеченный какой-то Божией печатью. Игр он не любил, любил говорить о Боге, был кроток, тих, ласков, приветлив. Удивительным образом душа его влеклась к тяжкому подвигу с младенчества, и раз, в возрасте шести лет, он сказал своей матери: «Вот вырасту, постригусь, буду носить на себе железо и трудиться ради Бога, буду всем наставником». То было пророчество, которое сбылось самым точным и чудным образом.

Как-то в ту пору был у родителей его в гостях один священник и повествовал им о жизни преподобного Макария. Калязинский монастырь, основанный преподобным Макарием, лежит в сорока верстах от родины Ильи.

– Я буду таким же монахом! – воскликнул вдруг мальчик, усердно слушавший рассказ.

Преподобный Иринарх прославился святостью жизни. Жил в затворе Борисоглебского Ростовского монастыря, видел в царствование царя Иоанна Грозного в видении Москву, объятую пламенем и во власти ляхов. И когда пришел к нему знаменитый Сапега, бесплодно осаждавший Сергиево-Троицкий монастырь, Иринарх сказал ему: «Возвратись, пан, в свою землю, полно тебе разорять Русь. Если не выйдешь от нас или опять придешь, то, Богом тебя уверяю, убьют тебя в Русской земле...»

Так и случилось. Сапега был убит под Москвой.

Юность Нины, равноапостольной просветительницы Грузии

(Память 14 января)

Бывают избранные люди, которыми с детства владеет какая-нибудь святая мечта. Так ребенок, будущий великий писатель, еле держа перо в руках, старается уже записать свои мысли и чувства. Так будущий ваятель лепит из глины все, что видит вокруг себя. Так маленький Глинка, будущий великий русский композитор, прислушивался ко всяким раздававшимся вокруг него звукам.

Была в христианстве одна святая дева, жизнь которой явилась исполнением мечты, зародившейся в ней в ее детские годы.

Уроженца Малой Азии, святая Нина была единственная дочь знатных и благочестивых родителей. Отец ее был родственник святого великомученика Георгия Победоносца, а мать ее была сестрой патриарха Иерусалимского.

Двенадцати лет от роду она посетила с родителями Иерусалим. Отец ее остался в святой земле иноком, а мать тогда была поставлена в диаконисы для службы нищим и больным женщинам. Нина была поручена одной благочестивой старице, Нианфоре.

При рассказах старицы юную Нину особенно занимала мысль о том, что случилось с той одеждой Христовой, о которой метали жребий воины римские. Нианфора передала ей предание о том, что тот воин, которому досталась риза, отнес ее в свою страну, Иверию, в город Мцхет. Все сильнее и сильнее волновала Нину мысль о хитоне; она жаждала видеть его, ее душа стремилась в неведомую Иверию, к этому городу со странным названием. Она тосковала по Мцхету.

«Владычица, – говорила она в своих тайных молитвах, – дай мне осязать своими руками, дай мне видеть своими глазами одежду, в которой принял начало мук Своих Христос, дай мне увидеть эту далекую страну, вступить в этот город».

Так как мечты Нины были возбуждены в ней Духом Божиим, то чудесным образом сбылось то, о чем она мечтала. Раздумывая о хитоне, об Иверии, о Мцхете, Нина увидела во сне Пресвятую Деву. Владычица в сиянии, с лицом, являющим святость и благость, подошла к ней и сказала: «Нина, иди в страну Иверскую, проповедуй там Евангелие Господа Иисуса Христа, и Я буду покровом твоим».

– Как я, слабая дева, – возразила Нина, – совершу столь великое дело?

Тогда Владычица подала ей крест. Крест этот был сплетен из лозы виноградной.

– Возьми этот крест, – произнесла Владычица. – Он будет тебе щитом и оградой от видимых и невидимых врагов твоих; его силой ты водрузишь в Иверии знамение веры.

И с этим крестом Нина пошла в далекую Иверию и преклонила страну ко Христу.

К прекраснейшим местам Кавказа, блестящего дивной красотой, принадлежит древняя столица Иверии, Мцхет, в двух часах езды от Тифлиса; там долго хранился крест, врученный Нине Богородице. Теперь он находится в Сионском соборе Тифлиса.

Редкий народ более грузин терпел гонение за веру. Никакие натиски магометан не сокрушили в нем того православия, которое было насаждено рукой могучей духом христианской девушки. И наравне с чудными иконами, какими благословил Бог Иверскую землю, и с мощами мучеников грузинских хранился во Мцхете тот дивный крест, который Пречистая Дева небесная вручила деве земной, посылая ее на неисполнимый, казалось, подвиг.

И в летописях христианских заветное место займут эти девичьи чистые мечты о том, чтобы обрести хитон Христов, сбывшиеся в жизни Нины.

Приход в дальнюю страну, обращение царя и царицы после многих чудес, крещение в быстротечной Куре народа, обретение ризы Господней, смерть в бедном шалаше среди приведенных ею ко Христу двух народов, карталинского и кахетинского, – как все это возвышенно, прекрасно, чудно. Юные мечты ее были основой того громадного дела ее жизни, за которое она, наравне с другими немногими женщинами, получила полное значения имя равноапостольной...

Мощи Нины равноапостольной почивают на месте кончины ее – в женском Бодбийском монастыре.

Мученик Неофит

(Память 21 января)

Город Никея в северо-западной Азии – тогда цветущее, теперь ничтожное, забытое селение – был родиной Неофита. Заботливо растили его родители и в десятилетнем возрасте отдали его учиться грамоте. Вселилась тогда в него благодать Божия. Господь, создающий Себе хвалу из уст младенческих, вселился в него, и отрок явился чудотворцем.

Когда дети из училища расходились по своим домам, отрок Неофит брал с собой домой бедных своих товарищей и распределял между ними то, что получал от родителей на обед, а сам оставался голодным.

И шел он тогда к воротам с восточной стороны города, чертил там на земле крест и поклонялся перед ним распятому за нас на кресте Христу. А товарищи его, съев оставленный обед, приходили к нему и тоже молились. И порой Неофит ударял рукой по каменной стене и изводил из нее воду, как из источника, чтобы его товарищи могли напиться. И так ежедневно Неофит обедами своими питал сверстников своих и поил их водой, чудесно изводимой из камня. Притом он запрещал им кому-нибудь рассказывать об этом; и в этот год даже родители его ничего не знали о том, кроме тех бедных детей.

На второй же год матери его Флорентин было открыто в сонном видении, что сын ее, подобно Моисею, изводит воды из камня и напоет ею жаждущих отроков.

Тогда мать стала молиться Богу, чтобы ей явлено было что-нибудь еще о судьбе сына, и Флорентия увидела белого голубя, севшего на постель спящего Неофита и провещавшего человеческим голосом: «Я послан сохранить Неофита непорочным».

От этого чудного видения Флорентия пала, как мертвая, и весь город сошелся к их дому.

Неофит, вернувшись от городских ворот, сказал отцу: «Не плачь: мать не умерла, она крепко спит». И, подойдя к матери с отцом, он взял ее за руку и сказал: «Встань, мать моя, ибо ты сладко уснула». И она встала... Весть о чудесах Неофита разошлась по всему городу, и многие язычники обратились тогда ко Христу.

И с тех пор нередко слетал к отроку Неофиту голубь и наставлял его.

Однажды голубь сказал ему: «Выйди, Неофит, из дома отца твоего и следуй за мной».

Простясь с родителями, Неофит пошел за голубем. Голубь довел его до горы и влетел в одну из пещер. Войдя в нее, святой нашел в ней льва, страшного видом, и сказал ему: «Выйди отсюда и найди себе другую пещеру, а здесь мне повелел жить Господь».

Лев, выслушав такой приказ святого ребенка, облилиз ноги его языком и вышел, а Неофит стал жить в той львиной пещере, питаемый Ангелом. Через год, по повелению Божию, он пошел к родителям своим в Никею, так как они приблизились к смерти. Все оставшееся после них имение он роздал нищим и вернулся в свое прежнее жилище, в пещеру, и там жил он до пятнадцати лет от роду, возносясь душой к Богу, как Ангел, и принимая пищу из рук Ангела.

К тому времени игемон Декий издал приказ, чтобы все граждане и окрестные жители торжественно принесли языческим богам жертву. И в час этого мерзкого жертвоприношения Ангел Божий взял и принес на руках святого отрока Неофита и поставил его среди никейской площади, блистающего лицом, как некогда Моисей. И возгласил всенародно отрок: «Меня обрели не ищущие меня, я явлен тем, которые не вопрошали обо мне, чтобы обличить зловерие».

Долго не могли отгадать граждане никейские, что это за чудный отрок, пока не признали в нем сына Флорентин. На приказание первому принести жертву богам отрок стал обличать языческие суеверия.

Игемон Декий, приведенный этим в ярость, велел юношу обнажить, повесить руками к дереву и бить крепкими воловьими жилами, а потом бросить его в раствор уксуса с серой. И в этих страшных муках, когда по ранам, образовавшимся от бичевания, разливалась едкая жидкость, Неофит громким голосом проповедовал стоящему вокруг него народу Христа. Тогда игемон велел снова привязать Неофита к дереву и строгать его ребра острыми железными скребницами.

«Сыне Божий, помилуй меня, Сыне Божий, помилуй меня, Сыне Божий, помилуй меня», – только и слышалось из уст отрока, терпевшего эту невыносимую муку. Палачи смеялись один другого, и кости обнажились, а юноша воспевал псалмы, призывая Бога на помощь.

Не взяв Неофита муками, Декий надеялся взять его добром: он обещал залечить его раны с помощью искуснейших врачей, только бы он поклонился идолам. На отказ юноши-мученика Декий велел заключить его в темницу.

Утром была растоплена жгучим огнем печь, в которой должны были сжечь Неофита. Бросив его в эту печь, устье ее затворили на три дня и на три ночи – так, чтобы и кости мученика в ней истлели. Но совершилось новое чудо: отрок Неофит, охлаждаемый среди огня Божественной росой, как среди отрадного покойного места, пел псалмы, воспевая спасение свое. Когда же через три дня пришли палачи раскрыть печь и разгрести уголья, они нашли мученика невредимого, а пламя, вырвавшись из печи, попало почти всех их. Прославляя Бога, Неофит молил Его о помощи до конца совершить свой подвиг и вышел из печи совершенно невредим. Потом осужден был святой на съедение зверям.

Посреди окруженного забором пространства привязали обнаженного Неофита и спустили на него медведя. Тот с ревом пошел на святого, приблизился к нему, остановился, поглядел и вернулся обратно. Изумлялись мучитель-игемон и все зрители.

Тогда выпустили на него лютую медведицу, и она приползла к нему, как преданная собака, прилегла у его ног, как бы поклоняясь ему, и отошла назад...

В это время пастухи привели к игемону льва, громадных размеров и свирепого видом, которого они поймали в пустыне. Этот лев пять дней оставался без пищи. Обрадованный игемон велел выпустить льва на отрока, и все видевшие льва были поражены его страшным видом. Но когда лев увидел святого, он остановился и, опустив голову к земле, стал плакать странными львиными слезами, как будто источник образовался у него в глазах. И он лизал ноги святого. Это был тот самый лев, которого Неофит выселил из пещеры, чтобы поселиться в ней самому. Узнав его, Неофит велел льву идти в ту же пещеру, которую он уступил ему, и запретил при этом трогать когда-либо людей. Лев, поклонясь мученику, выбежал со страшным ревом, разбил двери ограды и стал прыгать сквозь народ. Все бросились в бегство, боясь лютого зверя, но он, никого не задевая, быстро побежал по повелению святого к прежнему своему логовищу.

Не знал игемон, что еще более делать, и велел убить мученика. Там стоял некий человек, зверообразный и жестокого нрава. С мечом в руках он бросился к мученику, ударил его с размаху мечом в грудь и нанес ему сквозную рану.

Так мученик Неофит, закланый, как агнец, предал чистую душу свою в руки Господа своего месяца января в 21-й день, прожив от рождения всего пятнадцать лет и четыре месяца, ныне же наследовал бесконечную жизнь в царстве Источника жизни – Христа Бога, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки.

Мученица Агния

(Память 21 января)

Мученица Агния приняла венец святости в возрасте еще более молодом, чем Неофит: ей было тогда всего тринадцать лет. Она была римлянка рождением и родителями своими воспитана в благочестии. Молодая годами, она была зрела разумом, была прекрасна лицом, сияла великой верой и любовью к сладчайшему Иисусу, покорившему ее чистое сердце, и не мечтала она о другом земном женихе, уневестив себя небесному Обручнику.

Она очень понравилась сыну градоначальника, который видел ее возвращающейся из училища. Разузнав, где она живет, он стал посылать ее родителям богатые дары, обещая присылать гораздо больше, чтобы только она стала его невестой.

Агния отвечала на все отказом, говоря, что она обручена с лучшим Женихом, имеет от него более прекрасные дары и что изменить Ему не может. Чтобы приобрести ее любовь, молодой человек не жалел ничего: он купил еще лучших даров – из драгоценных камней, золотой утвари, многоценных одежд, – и сам просил ее и уговаривал через друзей и соседей, чтобы она забыла своего жениха и дала слово ему за его любовь к ней, за его знатность, богатство, за все те блага земные, которые он постарается перед ней повергнуть.

«Отойди от меня, искушитель, – отвечала ему юная дева. – Другой предупредил тебя, прислав мне лучшие дары и украшения. Он обручился со мной перстнем веры. Ты не можешь сравниться с Ним ни родом, ни саном. Он возложил на меня дорогие уборы духовной красоты, на шею и на десницу мою драгоценные камни, и одел меня в золототканые одежды, и показал мне бесценное сокровище, которое обещает дать мне, если я сохраню к Нему веру. Не могу смотреть я ни на кого другого, чтобы не обесчестить моего первого Обручника. Я связана с Ним крепким союзом любви. Его знатность несравненна, могущество неотразимо, красота неописанна, любовь сладчайша. Она строит мне дивный чертог. Он весь чуден.

Ему служат Ангелы, солнце и луна. По слову Его мертвые воскресают, прикосновением Его больные исцеляются. Его богатство никогда не иссякает, хранилища не оскудевают. Ему я хочу быть верной, ему себя вверяю».

От отказа Агнии жених с печали заболел, и когда отец услышал о причине его болезни, то послал приближенных к родителям Агнии, чтобы обручить ее своему сыну. Опять последовал отказ, и тут обнаружилось, что Агния – христианка. Отец обрадовался, думая, что запугает ее и заставит исполнить свою волю.

Долго уговаривал градоначальник Агнию согласиться на брак с его сыном и отречься от Христа. Оскорбивший Агнию сын градоначальника пал мертвым, но был воскрешен словами Агнии и уверовал во Христа, причем с ним уверовали сто шестьдесят свидетелей этого чуда. Тогда Агния была приговорена к сожжению. Ее бросили в огонь. Но пламя разделилось и пошло на две стороны, не трогая девы. И святая среди двух огненных стен громко славилла Бога. После этого велено было пронзить гортань святой мечом. И вознеслась Агния на брак к бессмертному своему Жениху..

Память священномученика Климента Анкирского

(Память 23 января)

Родители священномученика Климента Анкирского были разной веры: мать его была христианка, отец – язычник.

Мать его, Евфросиния, воспитала его в христианстве и в добрых нравах, всю силу своей души она вложила в его первоначальное воспитание.

Ей тяжек казался брак с язычником, но, выходя замуж, она мечтала о том, как приведет мужа своего к истинной вере. Но не только в этом не успела, но муж, наоборот, старался склонить ее к язычеству. Вскоре после рождения сына, Климента, отец его умер, и мать питала его благочестием, как молоком.

Тихо шли детские годы его в частом хождении в церковь, в изучении священных книг, в тех добрых делах, к которым приучала его мать.

Ему было всего двенадцать лет, когда Евфросиния почувствовала, что смерть ее близка.

К тому одру, с которого она уже не вставала, она позвала своего Климента и стала говорить с ним о его жизни. Было что-то особое в этом предсмертном завете христианской вдовы, которая старалась утвердить в сердце своего сына самое дорогое для нее – сокровище веры.

Как глубоко должны были врезаться в сердце Климента эти слова его матери, любимой и навсегда его оставлявшей! Ему казалось тогда, что он вдруг стал взрослым, так как до сих пор его оберегали отовсюду заботы его матери, а теперь уже никто не будет больше о нем думать, и он должен направлять свою жизнь.

В притихшем покое тихо раздавались проникновенные слова умирающей матери, полные глубокой мысли, – те слова, которые сын сберег и в своей жизни исполнил.

«Милое дитя мое, – говорила Евфросиния, – ты осиротел с пеленок, но Христос Бог был тебе отцом и обогатил тебя Своими дарами. Я, мать твоя, родила тебя плотью, а Христос родил тебя духом, считай же Его своим отцом, а себя Его сыном. Смотри, чтобы не напрасным было твое усыновление Богу. Служи единому Христу Господу, полагая свою надежду на Христа. Он воистину наше спасение и жизнь бессмертная. Он с небес сошел к нам, чтобы нас с Собой вознести к небу. Он сделал нас возлюбленными детьми Своими и обожествил нас. Тот, кто служит такому Владыке, избегнет всех дьявольских сетей и одолеет всякие сопротивные силы. Он не только посрамит нечестивых правителей и мучителей, поклоняющихся идолам, но сотрет главы всех тех бесов, которых они почитают».

Крепко держа сына за руку, Евфросиния заливалась слезами и, вдохновенная наитием благодати Божией, стала пророчески предсказывать судьбу сына своего.

«Молю тебя, – говорила она, – возлюбленное чадо, одним даром воздать мне за все мои о тебе страдания и попечения. Предстоит лютое время, начнутся гонения. Ты же, приведенный перед владыками и царями, будь тверд, окажи мне эту честь, стой за Христа дерзновенно и мужественно, сохрани крепко и непоколебимо свое исповедание, а я уповаю на Христа, что скоро увенчает тебя венцом мученичества – в почесть для меня и во спасение многих душ...»

Приготовь же сердце твое к подвигу страдальческому, чтобы время не нашло тебя неготовым. Знай, что золоту полезно, чтобы оно перегорело в горниле искушений. Не бойся: страдания временны, а воздаяние вечно. Скоро проходит скорбь, и вечно остается радость. Кратковременно земное бесчестие, и вечная от Бога слава. Один день продолжаются угрозы мучителей и раны, и бывает поругаема ярость земных мучителей, и угашается огонь, которым они пытали Христовых мучеников, ржавчина изъедает их мечи, погибают их силы. Из-за этих

ничтожество, грозящих тебе, не отказывайся от Христа, но взирай на небо и оттуда ожидай великого, богатого, вечного от Бога воздаяния.

Бойся Его величия, ужасайся Его суда, трепещи Его всевидящего ока, ибо те, которые отрекаются от Него, готовят себе страшную судьбу, а те, которые Его открыто исповедили, будут жить в неизреченном веселии и радовании и примут отраду со святыми исповедниками. Так вот, милый сынок мой, воздай мне за муку рождения твоего и за труды твоего воспитания тем, что я явлюсь матерью исповедника Господня, что прославлюсь в теле сына моего, за Христа страждущего.

Вот, сын мой, я уже стою у кончины моей. Завтра не загорится для меня этот видимый свет. Ты теперь для меня свет мой во Христе; ты жизнь моя в Господе. И молю я тебя, чтобы не постыдиться мне в уповании моем на тебя, но чтобы спаслась я, как говорит апостол, через чадородие. Я родила тебя, и пусть я постражду в твоём теле, как бы это тело было мое собственное. Не щадя, пролей ту кровь, которую ты получил от меня, чтобы и мне получить за это награду. Предай тело твое на раны, чтобы я ими возвеселилась перед Господом.

Некогда еврейская жена³ принесла Богу за благочестие семь сыновей своих, душой своей пострадала в телах сыновей своих и осталась непобедимой. А для моего спасения достаточно страдания тебя одного, если ты крепко будешь подвизаться за благочестие. Предваряя нынче тебя, я, идя перед тобой, указываю тебе путь к Богу. Телом отхожу, а дух мой да не будет отлучен от тебя, чтобы мне с тобой сподобиться предстать к престолу Христову, хвалясь перед Ним твоими страданиями и великими твоими подвигами...»

Так говорила эта умирающая христианка. Лучшим счастьем своим она считала, если рожденное ею дитя пострадает на земле за Христа и явится к ней в вечные обители в мученическом венце. Она смотрела на своего милого сына, обнимая его, целуя его голову, очи, лицо, уста, руки и пальцы. И в уверенности, что сын исполнит ее завет и отойдет к Богу прекрасной, чистой жертвой, она, целуя его, говорила: «Блаженна я, что лобызая тело мученика».

И в тихой беседе, склонясь на грудь сына, она предала душу свою в руки Господа и с миром почил.

Какое лучшее наследство могла оставить христианка своему сыну, как не эту пламенную веру, которую она в нем воспитала, разжигая в нем стремление принести Богу в жертву жизнь, полную надежд!

По погребении матери двенадцатилетний Климент остался в горьком сиротстве: у него был только небесный Отец. И Бог, общий Промыслитель, пекущийся о сиротах и бедных, дал отроку Клименту другую мать.

В том же городе жила одна знатная, уважаемая, богатая женщина, именем София, бывшая в дружеских отношениях с матерью Климента. Жила она в Боге, занималась молитвой день и ночь и, так как была бездетна, приняла к себе блаженного отрока Климента, любила его, как бы настоящего своего ребенка, и всячески о нем заботилась.

В то время по той стране свирепствовал голод, и язычники бросали по дорогам своих детей, не зная, чем их накормить, а сами разбежались из города в разные стороны.

Тогда Климент этих покинутых детей стал собирать в дом своей названной матери Софии, воспитывал их на ее средства, одевал, учил и приводил к святому крещению, и из дома Софии образовались сиротопитательница и училище, так что она стала в Боге матерью многих детей.

А сам Климент в раннем отрочестве, являясь мужем совершенного разума, стал умерщвлять постом и воздержанием свою плоть. Живя по-монашески, он питался одним хлебом и овощами, пил одну воду. Потом, ввиду уважения, каким он пользовался, Климент в двадцать лет был поставлен епископом. Когда же открылось гонение императора Диоклетиана, Климент

³ Соломония, мать Маккавеев.

в течение двадцати восьми лет подвергался мученичеству, посылаемый из города в город и в этих городах обращая ко Христу множество народа.

Когда на престол вступил император Максимин, о Клименте и страдавшем вместе с ним юноше Агафангеле было донесено: «Что делать с этими странными юношами? Много лет мучим их, но они остались живы, и вот – мы думаем, не бессмертны ли они?»

В день 23 января после совершения божественной Литургии Климент был обезглавлен...

28-летнее мученичество его является совершенно исключительным в летописях христианства.

Христианская мать

(25 января память мученицы Филицаты и ее семерых сыновей)

В 164 году в Риме за проповедь христианскую были схвачены дети мученицы Филицаты. Им предстояло или отречься от Христа и остаться жить, или принять за Христа мученическую смерть.

Праведная мать их не только не думала отклонять их от подвига исповедничества, но просила – умоляла детей безбоязненно и крепко стоять за веру. Сперва мать с детьми были жестоко пытаны, потом пять различных судей судили их, и все они были замучены различными пытками. Имена сыновей этой счастливой матери – святые: Януарий, Феликс, Филипп, Сильван, Александр, Виталий и Марциал.

Детские годы святителя Григория Богослова

(Память 25 января)

Григорий Богослов, уроженец восточной части Азии, происходил из благородной и благочестивой семьи. Мать его, Нонну, можно считать высоким образцом христианской женщины. Отец его, Григорий, был язычником, и, выйдя за него замуж, благочестивая Нонна молилась Богу, чтобы с помощью Божией привести мужа своего в христианство. И было ему такое видение: ему казалось, что он поет слова из псалмов Давида, которых раньше никогда не было на его устах и которые он слышал от своей молящейся супруги.

В этом пении он ощущал необычайную сладость. Проснувшись в радости, он рассказал обо всем супруге, и она поняла, что Сам Бог призывает мужа ее к Себе. Она стала говорить ему о христианской вере и привела его ко Христу. Вскоре он принял крещение, а впоследствии был в своем родном городе Назианзе епископом.

Блаженная Нонна, получив от Бога долгожданную милость, стала молиться о другом: чтобы Господь послал ей сына, и она обещала, что ребенка, который у нее родится, она посвятит на служение Богу.

И Бог, творящий волю боящихся Его и внимающий их молитве, исполнил просьбу сердца благочестивой жены. В ночном видении Он преуказал ей, какой у нее родится отрок: она видела своего будущего ребенка и узнала его имя.

Григорий был мальчик великих способностей, острого ума, был усердный и бодрый в учении и легко одолевал даже такие знания, которые с трудом даются взрослым. Он не любил детских шуток, не терпел праздности, всегда был занят. Когда он стал постарше, мать рассказала ему, как она его вымолила у Бога и как обещала посвятить на служение Богу. И глубоко запали в душу мальчика эти рассказы. Он был разума поразительного, являя во всем любовь ко Христу, любил целомудрие душевное и положил себе в закон сохранить во всю жизнь непорочность тела и души.

В этом намерении утвердило его одно таинственное видение. Однажды во время сна увидел он перед собой двух девиц, облаченных в белые одежды. Блистая красотой, равные ростом и летами, они не имели на себе никаких украшений – ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни драгоценных камней, ни дорогих монист, ни шелковых мягких одежд, ни золотых поясов. Одетые в простые белые одежды со скромными опоясаниями, с лицами, занавешенными тонкой тканью, опустив взоры книзу, они были полны целомудрия и стояли молча, сияя непорочной своей красотой.

Отрок, глядя на них, ощущал в сердце своем великую радость и не знал, земные ли то девы или они выше земли. Ласково смотрели на него светлые девы, видя, как он радуется на них.

– Кто вы? – спросил он. – И откуда пришли?..

Первая назвала себя мудростью, а другая – воздержанием. И сказали они, что предстоят престолу Царя славы Христа:

– Будь в единомыслии с нами, чадо, и мы вознесем тебя на небеса...

При этом обещании они стали подниматься к небу, а отрок Григорий провожал их робким взором, пока они не скрылись за облаками, и, очнувшись, ощутил в сердце невыразимую радость...

Вся жизнь Григория Богослова была проникнута тем духом воздержания и целомудрия, в котором богатейшее развитие получили его великие природные способности.

О том, в каком настроении прошла юность святителя, он сам вспоминал в таких прекрасных словах: «Меня не пленяли прекрасные волны шелковых одежд. Не любил я продолжительных трапез, не любил пресыщения, матери плотоугодия. Не любил я жить в громадных великолепных палатах, расслаблять сердце нежными звуками, предаваться неге и ласкать себя роскошными благоуханиями благовонных мазей. Серебро и золото предоставлял я другим. Мне приятнее всего был кусок хлеба, сладкая приправа – соль, питье – трезвенная вода. Мое богатство – Христос, постоянно возносящий мой ум к небесам. Не нужно мне ни счастья, которое проходит скоро, как разливающееся дыхание, ни скорогибнущей славы. Не важно для меня увеселяться лживыми мечтами, которые одни за другими уходят и исчезают».

Преподобные Ксенофонт и Мария и сыновья их Иоанн и Аркадий

(Память 26 января)

Один из первейших цареградских вельмож, Ксенофонт, жил по-христиански. Он не возносился своим положением и усердно помогал бедным, посылая свое богатство их руками в небо.

Когда детям его, Иоанну и Аркадию, настало время получить образование, сообразное их званию, родители отправили их в финикийский город Вирит, славившийся в то время своей образованностью.

Через несколько времени Ксенофонт разболелся, и супруга его Мария выписала детей обратно, чтобы проститься с отцом. Отцу стало лучше от радости свидания, и он произнес тут детям своим поучение, которое должно помнить всем христианам:

«Завещаю вам, дети: во-первых, бойтесь Бога, стройте жизнь свою сообразно Его святым заповедям. Подражайте отцу своему, который был любим и почитаем не за его сан, а за его кротость и доброту. Он никогда никого не обидел, не оклеветал, не унижил, никому не позавидовал, а всех любил, со всеми жил в мире, вечером и утром не оставлял церкви Божией, не презирал нищих, но питал их и каждого утешал словом и делом, всегда посещал находящихся в темницах и, выкупая из плена, многих пленников отпустил на свободу.

Я полагал ограждение устам моим, чтобы не говорить ни зла, ни лукавства, и не взирал на чужую красоту, чтобы не исполниться нечистых пожеланий. Угождайте и вы Богу, и Бог подаст вам долгую жизнь. Раздавайте милостыню убогим, вдовам и сиротам, посещайте больных и заключенных, избавляйте несправедливо осужденных, имейте сами мир, храните верность вашим друзьям, благодетельствуйте врагам, не воздавайте злом за зло, но ко всем будьте добры, кротки, любящи, блюдите непорочной вашу чистоту душевную и телесную, благотворите священникам и инокам, посещайте и не забывайте скитающихся Господа ради в пустынях, горах, вертепах и пропастях земных, и не оскудеет рука ваша через милостыню. Достойную честь воздавайте вашей матери, слушайте ее для страха Господня, всегда творя ее волю и никогда ее не ослушиваясь. Будьте милостивы к рабам вашим, старых отпускайте на свободу, до конца обеспечивайте их пищей и кровом. Помните, что скоро прекратится мир этот и ни во что обратится его слава, и да будет с вами мир Божий».

Внимая отцу, дети тихо плакали и уверяли его, что он еще долго с ними поживет. И последовало ему в видении чудесное извещение, что Господь ему продолжает жизнь. Выздоровевши, Ксенофонт велел детям ехать обратно кончать свое учение.

В море постигла их страшная буря. В слезах, на корабле, который кидало из стороны в сторону и било волнами, братья молили Бога продлить им жизнь. Капитан судна с матросами сел в небольшой, но безопасный челн, надеясь на то, что их прибудет к берегу, а Иоанн и Аркадий со своими рабами остались беспомощными на корабле. Волны уже разбивали его, отовсюду хлестала вода. Видя наступление последней гибели, братья сбросили одежду, чтобы дольше продержаться на поверхности волн, и с рыданием звали своих далеких родителей, как будто они стояли перед ними:

– Живи, дорогой отец, живи, милая мать; вы больше нас не увидите, и мы не увидим вас.

Потом они стали прощаться друг с другом:

– Возлюбленный брат, свет очей моих, как ужасно разлучаемся мы! Где родительские молитвы за нас? Где их благодеяния нищим, взошла ли к Богу хоть одна молитва их за нас или

если и взошла, то была ли услышана по грехам нашим? Отец, прилежно заботящийся о нашем воспитании, ты даже не увидишь нас и мертвыми! Мать, мечтавшая о браке сыновей своих и до времени готовившая им брачный чертог, ты не увидишь даже и гроба сыновей своих! Вы надеялись в глубокой старости получить от нас погребение, а вы не можете оказать нам этого последнего долга!

Перед тем, как кинуться в море, они обнялись и крикнули друг другу: «Спасайся, брат, и прости меня». А к Богу взывали: «Хоть в смерти не разлучай нас, но пусть единая волна нас покроет и одна утроба морского зверя да будет нам гробом». «Спасайтесь, друзья, и простите нас!» – закричали они своим рабам. И, когда корабль стал погружаться, они схватились за подвернувшиеся под руку балки и очутились в воде, и далеко разнесло их волнами.

Благодать Божия, готовя в них великих угодников, спасла их всех и прибила к разным странам: рабов в одну сторону, Иоанна в другую, Аркадия в третью; и не столько радовались они о спасении своем, как тужили о гибели других.

И снова в природе все было спокойно и ласково. Младенцем, улыбающимся в колыбели, казалось под синим небом то море, которое еще накануне свирепствовало и жестоко губило людей.

Грустно озирает Иоанн тот берег, куда он был выброшен, и говорил себе: «Как явлюсь я перед лицом человеческим? Пойду в монастырь, где живут иноки, и там в нищете и смирении буду служить Богу, спасшему меня от смерти. Вероятно, для того Господь не внял молитвам, что родители хотели женить нас, оставить нам свои великие богатства, и мы погибли бы в суете мира, и лучшую долю послал нам Вседержитель».

– Господи, – говорил он, воздевая руки к Богу, – Ты, спасший меня от волн морских и от смертной борьбы, спаси и раба Твоего, брата Аркадия, избавь его от горькой смерти, как и меня избавил милостью Твоей. И если Ты сохранил его живым, то отверзи ему ум, чтобы направить его в иноческой жизни. Дай ему угодить Тебе. Спаси же и бывших с нами рабов, чтобы ни единый от них не погиб в море, но чтобы во всех их прославилось Твое святое имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.